

ных и слабых акцентов на определенных членах этой двухколонной структуры.

Несколькими годами позднее, в рецензии на «Очерки русской литературы» Н. А. Полевого (1839 г.), В. Г. Белинский писал: «...Сознание собственного величия свойственно всякому великому человеку... Полевой, упоминая о Гете и Суворове, говорит о своих драматических пьесах... Что ж тут удивительного? Это еще довольно скромно, а вот был на святой Руси человек, который печатно сказал о себе: „Я знаю Русь, и Русь знает меня“. Кто бы, вы думали, был этот великий человек?... Конечно, Петр Великий, который мощною рукою выдвинул Россию во всемирную историю, указал ей в будущем всемирное первое место и тем изменил грядущие судьбы целого мира, целого человечества?... Или Суворов?... Или, может быть, Пушкин... Нет, не они сказали о себе эту громкую фразу, а все он же, все господин же Полевой...» [15, с. 500]. Поиск, как видим, продолжается.

И только в следующем, 1840 г., все окончательно становится на свои места и фраза обретает завершенную и совершенную форму. Воздавая должное Крылову, В. Г. Белинский писал: «Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: „Я знаю Русь, и Русь меня знает“, хотя никогда не говорил и не говорит этого» [16, с. 151].

В последующие годы и сам Белинский, и другие авторы (ср. цитированный выше текст Нового Поэта) пользовались, насколько можно судить по имеющимся данным, именно этим последним вариантом, получающим таким образом каноническую форму. Именно его и вложил Ф. М. Достоевский в уста своего героя, воспользовавшись им как готовым — прошедшим боевые испытания на ближних полигонах — публицистически заостренным языковым оружием и не имея никакой необходимости обращаться к далекому, четвертьвековой давности первоисточнику — роману Н. А. Полевого.

Однако в распоряжении Ф. М. Достоевского была не просто апробированная в боевых жанрах литературы готовая крылатая фраза — формула публичного осмеяния хвастовства, самонадеянности и гордыни. В его распоряжении было нечто значительно более сильное — готовый опыт ее художественного применения. Опыт ее использования в качестве одного из важнейших средств создания пародийного художественного образа. Помимо указанной В. В. Виноградовым в другой связи пародии Нового Поэта, здесь имеется в виду не привлекавшийся до сих пор к сопоставлениям роман И. И. Лажечникова «Басурман» (1838), пользовавшийся широкой популярностью и неоднократно переиздававшийся [17].

В ряду персонажей второго плана особое место в этом романе занимает фигура Бартоломея (Варфоломея), «книгопечатника» и «переводчика великого государя». Уроженец Лейпцига-Липецка, он по неблагоприятным причинам был вынужден бежать в Московию, где принял православие, «выучился по-русски и начал исправлять должность переводчика немецких бумаг и толмача немецких речей». Все в нем вызывает отвращение: «обнаженные поляны на голове», «множество иероглифов» на лбу, «маленькие глазки, выражающие неравнодушие к женскому полу», чудовищный нос («чудо из носов! он к корню сузился, а к ноздрям расширился наподобие воронки и был весь испещрен пунцовым крапом»), но зато не губы, а «губки, умильно вытянутые вперед», словно он готовился «играть на флейте» и т. п. Он нелепо сложен и хромает («одна нога, любя подчиненность, всегда дождалась выхода другой»). Говорит он, «нежно осклабься» и «с ужимками», «делая на каждом слове и едва ли не на каждом слого запятые, как он делает их ногой». Он — чревоугодник и пьяница («частый посетитель виноградников господних»), развратник и сводник, собиратель и «разносчик вестей и сплетен», мелкая душонка, человек без чести, издающийся над слабыми, пресмыкающийся перед сильными, готовый продать и предать, бесстыдный лжец и самонадеянный хвастун...